

ИЗВЕЪ.

ЛИЗИСЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

«Лизисъ» принадлежит къ числу тѣхъ немногихъ діалоговъ Платона, которые особенностію своей формы указываютъ на раннее свое происхожденіе. Эта форма состоитъ въ томъ, что Сократъ не самымъ дѣломъ вступаетъ съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ, а только пересказываетъ одному или нѣсколькимъ лицамъ о происходившей прежде когда-то бесѣдѣ его съ извѣстными лицами. Очень могло быть, что она казалась Платону легчайшимъ способомъ къ живому изображенію драматическихъ и мимическихъ сторонъ предмета. Пользуясь ею, молодой философъ съ гибкимъ умомъ и вмѣстѣ съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ могъ вводимымъ въ разговоръ собесѣдникамъ давать различныя положенія, отгнѣять ихъ характеры самыми тонкими чертами и, какбы на сценѣ, помогать раскрытію дѣла мѣткимъ изображеніемъ дѣятелей.

Членораздѣльность въ разговорѣ «Лизисъ» гораздо богаче, чѣмъ въ прочихъ раннихъ сочиненіяхъ Платона. Сценою его служитъ вновь построенная палестра. Въ общемъ введеніи (р. 203—206 С) Иппоталь является предметомъ сатиры Клизиппа, который слишкомъ откровенно смѣется надъ нимъ по поводу его стихотвореній и непрестанныхъ рассказовъ о любовномъ его Лизисѣ. Такихъ Иппоталовыхъ отношеній не одобряетъ и Сократъ, говоря, что это можетъ сдѣлать любимца только надменнымъ и высокоумѣрнымъ, и что этимъ обнару-

живается лишь стремленіе къ эгоистической цѣли — пользо-
ваться его привязанностію.

За общимъ вступительнымъ разговоромъ, который проис-
ходилъ внѣ палестры, у Платона слѣдуетъ другой — частный
(р. 206 С—207 D), ведущій собесѣдниковъ въ самую палест-
ру, для бесѣды съ Лизисомъ, которая должна представить Ип-
поталу образецъ того, какъ истинная любовь старается, на
оборотъ, внѣдрить въ любимца нравственно добрыя качест-
ва, приводя его особенно къ сознанию своей недостаточности и
своего незнанія, и чрезъ то, вмѣсто надменности, поселить въ
немъ скромность (р. 207 E—210 E).

Все содержаніе этого разговора представляется въ четы-
рехъ отдѣлахъ, въ которыхъ дѣти — Лизись и Менексенъ бе-
сѣдуютъ съ Сократомъ попеременно. Вездѣ, гдѣ дѣло ка-
сается діалектическаго развитія какихъ-нибудь понятій, —
вводится въ разговоръ спорчивый, смѣлый и остроумный Ме-
нексенъ, о которомъ Сократъ, конечно не безъ ироніи, отзы-
вается, какъ о такомъ молодомъ человѣкѣ, который уже озна-
комленъ съ тонкостями діалектики. *Аλλ' ὅρα, говоритъ онъ,*
ὅπως ἐπιχορησεῖς μοι, ἐὰν μὲ ἐλέγχειν ἐπιχειρῆ ὁ Μενέξενος· ἢ οὐκ οἶσθα,
ὅτι ἐριστικός ἐστιν; (р. 211 B). Или опять: *δεινὸς γὰρ ὁ ἄνθρωπος,*
Κτησίππου μαθητής. Когда же, напротивъ, нужно найти либо эле-
ментарное основаніе разсматриваемаго предмета, либо кон-
кретное содержаніе его, — въ разговорѣ участвуетъ дѣтски
робкій, но глубоко воспріимчивый и чувствительный Лизись;
потому что основаніе истины, чаще всего недоступное для фор-
мальной дѣятельности разсудка, постигается только востор-
гаемымъ идеею сердцемъ, а конкретное содержаніе вещи не
находить для себя иного органа, кромѣ чувства.

Въ первой, начальной бесѣдѣ съ Лизисомъ (р. 207 E—
210 E), Сократъ, имѣя въ виду пропедевтическую цѣль, свя-
зываетъ съ нею основное положеніе собственной своей темы
и показываетъ, что только знаніемъ и способностію приобрь-
тается любовь другихъ. Дружба при этомъ разсматривается
еще совершенно сократически — со стороны ея полезности;

ибо нельзя сомнѣваться, что Сократъ училъ уважать дружбу за ея пользу. Это видно изъ словъ Ксенофонта (Мет. II, 4, 5), который, излагая Сократово ученіе относительно сего предмета, достоинство дружбы поставляетъ особенно въ томъ, что друзья помогаютъ себѣ взаимно словомъ и дѣломъ, и чрезъ то легче избѣгаютъ опасностей и приобрѣтаютъ пользу. Но съ болѣе строгою діалектикою обсуживается тотъ же предметъ въ бесѣдѣ съ Менексеномъ (р. 211 A—213 D), и необходимою его формою представляется взаимность, которой, судя по указанному выше мѣсту Ксенофонта, тоже требовалъ Сократъ, чтобы взаимная услуга друзей была вѣрною порукою за обоюдныя ихъ выгоды. Эта форма потомъ въ третій разъ (тутъ собесѣдникъ—снова Лизисъ) получаетъ содержаніе, чрезъ принятіе двухъ взаимно противорѣчущихъ философскихъ положеній — о влеченіи другъ къ другу предметовъ однородныхъ (Эмпедоклъ) и объ отчужденіи другъ отъ друга вещей противоположныхъ (Гераклитъ). Что касается перваго положенія, то оно въ иеическомъ отношеніи примѣнимо только къ добрымъ, и основываясь на немъ, дружескія отношенія можно допустить единственно между добрыми. Съ этимъ согласно мнѣніе Сократа и у Ксенофонта Мет. II, 6, гдѣ онъ учитъ, что люди злые друзьями не могутъ быть ни себѣ, ни добрымъ. Такого же мнѣнія держался и Платонъ, сколько можно заключать объ этомъ изъ прекраснаго мѣста въ Платоновомъ Федрѣ —р. 251 A sqq., а особенно р. 252 C D E, также въ Государствѣ—VIII, р. 837 A B C и Горг. р. 510 B sqq., гдѣ объясняется извѣстное правило, впоследствии перешедшее къ стоикамъ: *τὴν φιλίαν ἐν μόνοις τοῖς σπουδαίοις εἶναι διὰ τὴν ὁμοιότητα*. Имѣло справедливую сторону и второе положеніе, противорѣчившее первому и заставлявшее производить дружбу изъ расположеній неподобныхъ. Оно могло казаться тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что исторія эллинской мудрости сохранила преданіе о происхожденіи всемірной гармоніи изъ враждебнаго взаимоотношенія стихій. Но оба эти положенія, по ихъ несомнѣстимости, не могли быть совершенно оправданы: послѣднее — по-

тому, что дружба, какъ сказано, возможна только между добрыми; а первое — потому, что оно односторонне, добро же, какъ односторонность, въ высшемъ, абсолютномъ смыслѣ, представляется чѣмъ-то такимъ, что ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Поэтому, добрые другъ другу не полезны; а если не полезны, то и не друзья. Впрочемъ далѣе (р. 215 D—218 C) недостаточное это положеніе подвергается новому анализу и добро принимается по крайней мѣрѣ въ значеніи добра относительнаго, какбы оно было ни добро ни зло, и потому влечется любовію къ добру по чувству собственнаго несовершенства, или по присущію къ нему зла. Въ послѣднемъ же отдѣлѣ (р. 218 C — 223 A) постановляется различіе между добромъ абсолютнымъ, какъ высочайшимъ предметомъ любви (*πρώτον φίλον*), и благами относительными, которыя для перваго служатъ средствами, и при этомъ косвенно указывается на допущенное прежде смѣшеніе относительныхъ благъ человѣка съ благомъ первымъ. Тутъ же открывається и противорѣчіе въ сдѣланныхъ изысканіяхъ: прежде, то-есть, чувство недостаточности, которое одно побуждаетъ воздыхать о добрѣ, названо было зломъ; тогда какъ основывающееся на сознаніи недостаточности желаніе скорѣе надобно почитать и не добромъ и не зломъ, а побужденіемъ восполнять естественныя жизненныя отправленія души; зло же, напротивъ, есть разрушеніе ихъ. Притомъ любовь стремится къ свойственному, на что сдѣланъ былъ намекъ еще прежде, и что непосредственно вытекаетъ изъ предъидущаго; такъ какъ свойственное есть благо, котораго недостаетъ человѣку, и которое поэтому любить онъ въ другомъ, будто свое. Изъ направленія къ свойственному объясняется взаимность, а изъ взаимности, относительно добра, выводится стремленіе къ подобному и неподобному; ибо этими свойствами указывается не только послѣдняя цѣль — высочайшее благо, но и ближайшій предметъ — самоусовершеніе посредствомъ дружбы, или приближеніе къ идеалу высочайшаго блага, чрезъ восполненіе своего существа. Усовершенствовать насъ можетъ только абсолютное добро, ко-

того неподобіе должно состоять единственно въ томъ, что въ насъ отражаются различныя его стороны, а само оно должно быть существенно равнымъ себѣ. Поэтому въ другѣ мы любимъ сторону абсолютнаго блага, которой у насъ нѣтъ; ибо только природы неоднородныя могутъ сообщить что-либо одна другой.

Итакъ, въ постепенномъ развитіи разговора «Лизисъ» мы ясно усматриваемъ, какимъ образомъ юный умъ Платона, начиная отъ эмпирическихъ основаній своего учителя, нечувствительно восходилъ въ область идеальнаго созерцанія и устанавливалъ для своего философствованія новую, возвышеннѣйшую точку зрѣнія. Сократъ, какъ лицо, которому исторія приписываетъ опредѣленное философское ученіе, рассматривалъ дружбу, сказали мы, только со стороны эмпирической пользы, и доказывалъ ея возможность единственно между добрыми. Но какъ польза и добро у Сократа тождественны, то Платонъ, стремившійся къ систематическому построенію миѣній своего учителя, требовалъ, чтобы другъ въ своемъ другѣ любилъ добро, и даже простерся еще далѣе, — признавалъ тождественными равно добродѣтель и знаніе, и заключалъ, что стремиться къ добродѣтели значитъ философствовать. Но если Сократъ свои отношенія къ ученикамъ означалъ именемъ дружбы и даже любви (Мет. 1, 2. 7 sq. 6, 14. 11, 6, 28. IV, 1, 2), тогда какъ другіе цѣнили въ нихъ лошадей, собакъ или птицъ (Мет. I, 6, 14); то его можно по-истинѣ почитать любителемъ друзей (*φιλαίτερος* — р. 211 E), и Платонъ имѣлъ право заключить, что нѣтъ другой дружбы, кромѣ философской, и что подъ дружбою не надобно разумѣть ничего, кромѣ сократическаго общенія въ философіи. Сократовское же философствованіе, соединявшее добродѣтель и знаніе въ любви, было только стремленіемъ къ тому, чего не имѣлось; слѣдовательно, стремленіе это надлежало приписывать не добрымъ, а скорѣе тѣмъ, которые стоятъ въ срединѣ между зломъ и добромъ; такъ что друзья должны были представляться Платону только взаимно ограничивающимися органами стремленія

къ высочайшему добру. А этимъ заявилъ онъ отличіе блага абсолютнаго, какъ цѣли философскихъ стремленій, отъ благъ относительныхъ, характеризующихся просто полезностію, и своимъ созерцаніемъ сталъ выше эмпирическаго взгляда Сократова. Выраженія *πρώτων φίλον, ὡς ἀληθῶς φίλον*, ради котораго мы все другое называемъ *φίλα*, относятся уже къ языку послѣдующаго идеализма (сравни. *Symp.* p. 210 E), и частныя блага становятся теперь какбы *εἰδῶλα* того перваго (p. 219 C. D).

Съ другой стороны, это высочайшее благо здѣсь—еще чистая форма, безъ всякихъ конкретныхъ ограниченій содержанія. Это видно изъ того уже, что Сократъ представляетъ зло, какъ абсолютное противорѣчіе или отрицаніе блага (p. 214 D; сравни. 217 C D); а стремящееся къ добру желаніе кажется ему обнаруженіемъ естественныхъ жизненныхъ отклоненій не менѣе тѣла, какъ и духа. Все это были, очевидно, только зародыши мыслей, которыхъ дальнѣйшія слѣдствія теперь пока еще указаны быть не могутъ. Впрочемъ сократическое понятіе блага, даже и въ предѣлахъ разговора, недалеко было отъ реальности; потому что Сократъ различаетъ здѣсь существенныя и случайныя ограниченія, которыми опредѣляется благо (p. 217 C D), хотя въ то же время словомъ *παρρουσία* напоминаетъ объ ученіи идеальномъ. Обѣ эти стихіи позднѣйшаго идеализма—формально-логическая и реальная, понятіе и образъ—идутъ въ «Лизисѣ», такъ сказать, еще раздѣльно, одна подлѣ другой.

Къ содержанію разговора «Лизисѣ» ближайшимъ образомъ примѣнены количество и качества бесѣдующихъ лицъ; такъ что въ этомъ отношеніи здѣсь нѣтъ ничего ни лишняго, ни произвольнаго. Между лицами, введенными въ разговоръ, Иппоталъ есть образецъ любви не-истинной и не-нравственной: онъ въ любимомъ предметѣ любить только себя самого, а взаимномъ воспитаніи на началахъ нравственности, или о самовоспитаніи другъ чрезъ друга и мысли не имѣетъ. Лизисъ и Менексенъ—образцы личностей неоднородныхъ, и потому

взаимно привлекающихся подъ формою дружбы. А Ктизиппъ и Менексень представляются природами сродными. Только одинъ Сократъ является истинною всестороннею, и потому дружбою сознательною, отчетливо созерцающею ея предметъ, средства и цѣль. Не даромъ онъ приписываетъ себѣ единственное умѣнье — узнавать, кто истинно любить и истинно любимъ (р. 204 С).

Что касается методы, то въ «Лизисѣ», сознание направляется больше отъ отрицанія къ положительности: здѣсь принимается во вниманіе собственно философское отношеніе дружбы; дѣло идетъ о томъ, чтобы двухъ неиспорченныхъ, съ отличными способностями юношей расположить къ философіи. Поэтому эленктика въ «Лизисѣ» является только приготовленіемъ и вспомогательнымъ средствомъ къ потрептикѣ. Разумѣется, что Сократу не было никакого труда, въ первой части разговора, увѣрить неиспорченнаго Лизиса въ скудости его познаній, и только съ спорчивымъ Менексомъ воспользовался онъ собственно діалектическими приѣмами — частію для того, чтобы предостеречь его отъ заблужденій, которымъ, по живости естественныхъ своихъ способностей и по ходу своего образованія, могъ онъ подвергаться, а частію для того, чтобы въ этой даровитой природѣ развить элементъ положительно философскій, предложивъ ему разрѣшить задачу, къ распутанію которой онъ приступилъ съ однимъ остроумнымъ различеніемъ, подобно тому, какъ во второмъ отдѣлѣ поступилъ съ смѣшеніемъ различныхъ значеній слова *φίλος*, а въ четвертомъ съ словами *ἐνεκα* и *διά*. Но вмѣстѣ съ этимъ въ «Лизисѣ» сократическое незнаніе почти вовсе незамѣтно: теперь Сократъ приписываетъ себѣ, по крайней мѣрѣ, знаніе о томъ, кто любить и любимъ, то-есть не отказывается отъ взгляда на природу философскаго стремленія. Это вяжется и съ установленнымъ здѣсь глубокимъ изслѣдованіемъ любви и дружбы, которое историческому Сократу непосредственно не можетъ быть усвоено. Тутъ скользнуть легкой намекъ на то, что истинный философъ бываетъ обратно любимъ мудростію (р.

212 D). Неудовлетворенная жажда знанія здѣсь уступила мѣсто болѣе спокойному и удовлетворительному способу познанія истины. Можетъ еще казаться, что требованіе взаимности въ дружбѣ, или взаимное возбужденіе къ философствованію несовмѣстимо съ односторонне-вопросительною методою, которую Платонъ заставляетъ Сократа постоянно выдерживать: но тутъ все клонится къ тому, чтобы обоимъ, еще незнакомымъ съ наукою юношамъ сообщить первое побужденіе къ самобытленію. Весь этотъ разговоръ имѣетъ характеръ только пропедевтическій: онъ въ ту же минуту прервался бы, какъ скоро Сократъ захотѣлъ бы продолжить его съ кѣмъ-нибудь изъ людей зрѣлаго возраста.

Не смотря на опредѣленность содержанія, которое разсматривается въ «Лизисѣ», и методическую отчетливость, съ какою развивается содержаніе этого разговора, критики неодинаково понимаютъ цѣль его. По нашему мнѣнію, менѣе всѣхъ справедливъ въ этомъ отношеніи Штальбомъ, при указаніи его цѣли, имѣющій въ виду одну методу и полагающій, что Платонъ написалъ разсматриваемый діалогъ съ намѣреніемъ посмѣяться надъ софистическимъ направленіемъ воспитанія, какое въ новой палестрѣ даваемо было молодымъ людямъ подъ руководствомъ софиста Микка. Это мнѣніе не можетъ держаться и потому уже, что Миккъ въ самомъ началѣ бесѣды почитается *Σωκράτους ἑταῖρος καὶ ἐπαινέτης*, и что самъ Сократъ, безъ всякой ироніи, называетъ его *ὁ φαῦλον ἄνδρα, ἀλλ' ἰκανὸν σοφιστήν*. Кромѣ того, мы замѣтили, что во всемъ ходѣ «Лизиса» господствуетъ болѣе спокойное и серьезное изслѣдованіе предмета, чѣмъ какое открывается въ другихъ, собственно обличительныхъ разговорахъ Платона; такъ что здѣсь почти нисколько не проглядываетъ сократическая иронія. Гораздо удовлетворительнѣе опредѣляется цѣль «Лизиса» у Шлейермахера: онъ говоритъ, что задачей этого сочиненія Платонъ имѣлъ — представить любовь, какъ побужденіе къ философствованію, хотя она является теперь еще совершенно закрытою объективнымъ отношеніемъ дружбы. Бок-

вою же цѣлю почитаетъ онъ — дать руководство къ нравственно-эротическому образованію любимца. Но Шлейермахеръ упустилъ изъ виду мысль Платона о высочайшемъ благѣ, и методическое развитіе разговора поставилъ внѣ отношенія къ его содержанію. Поэтому намъ болѣе нравится взглядъ Штейнгарта, который говоритъ, что «Лизисъ» долженъ былъ представить физическое основаніе и нравственную сущность дружбы, — первое въ формѣ любви, а послѣднюю — подъ образомъ восполняющаго себя обоюднаго стремленія сродныхъ и вмѣстѣ различныхъ природъ къ высочайшему благу. Но и это опредѣленіе цѣли неполнѣ соответствуетъ духу и направленію діалога. Физическое основаніе любви — элементъ въ немъ вовсе незамѣтный. Мы видѣли, что любовь у Сократа имѣла значеніе чисто философское, и очень можно думать, что изъ этого сократическаго понятія о любви Платонъ впоследствии развилъ идею Эроса, какъ божества, соединяющаго небо съ землею. Притомъ Штейнгартъ не обратилъ вниманія на намѣреніе Сократа возбудить въ юношахъ расположеніе къ философіи; а это, при опредѣленіи цѣли діалога, должно было представляться прежде всего. Итакъ, поставляя философію какбы центральнымъ понятіемъ въ разговорѣ, а любовь — какбы проводникомъ, соединяющимъ блага относительныя съ благомъ абсолютнымъ, мы можемъ безошибочно утверждать, что Платонъ своимъ «Лизисомъ» предполагалъ дружбу молодыхъ людей вывести на поприще философской любви и чрезъ то направить ее къ благу абсолютному.

Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что изложеніе «Лизиса» необыкновенно просто и безыскусственно, а изъ этого, по крайней мѣрѣ не безъ вѣроятности, можно заключить, что «Лизисъ» написанъ Платономъ въ лѣтахъ еще молодыхъ, именно въ томъ періодѣ его жизни, когда онъ слушалъ Сократа и не развилъ еще своей идеи до той полноты, съ какою впоследствии выразилась она въ Пирѣ, Федрѣ, Государствѣ и другихъ его сочиненіяхъ. Мы не имѣемъ никакой причины подвергать сомнѣнію свидѣтельство Діогена Лаерція (III, 35), который

говорить, что Сократъ, выслушавъ «Лизиса», прочитаннаго ему самимъ Платономъ, сказалъ: Ἠράκλειος, ὡς πολλὰ μοῦ κατὰ ψεύδεται ὁ νεανίσκος! А извѣстно, что Платонъ слушалъ Сократа до самой смерти послѣдняго. Поэтому мнѣніе Шлейермахера, будто «Лизисъ» вышелъ въ свѣтъ послѣ Федра, нисколько неправдоподобно: Федръ есть произведеніе, очевидно, ума зрѣлаго, обнимавшаго своимъ взглядомъ всю область созерцанія и полагавшаго уже начала для познанія отношеній между міромъ—ноуменовъ и феноменовъ; напротивъ, въ «Лизисѣ» берется вопросъ самъ по себѣ частный и только возводится къ значенію общему; здѣсь не видно еще даже и намека на теорію Платоновыхъ идей, а только замѣтно юношеское усиліе привести въ связь конечное съ безконечнымъ, и отъ эмпирическихъ началъ своего учителя подняться къ основанію абсолютному.

Шлейермахеръ изъ многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Аристотеля (*Ethic. Nicom. VIII, с. 1, 2, 10*—р. 50 A D, р. 63 B; *Magn. Moral. II, с. 11*—р. 111 E, р. 112 C; *Eudem. VII, 2, 2*—р. 162 B C, р. 165 B, ed. Casaub. 1529) заключаетъ, что Аристотель не могъ не читать Платонова «Лизиса». Но Астъ, соглашаясь, что въ означенныхъ мѣстахъ указывается дѣйствительно на ученіе Платона, полагаетъ, что Аристотель слышалъ это ученіе, какъ преподавалъ его Платонъ устно, подлинность же «Лизиса» совершенно отвергаетъ. Причины, по которымъ не хочетъ онъ приписать этого разговора Платону, такъ ничтожны, что объ нихъ не стоитъ и говорить.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ИППОТААЪ, КТИЗИППЪ, МЕНЕКСЕНЪ, ЛИЗИСЪ.

Шелъ я изъ Академіи прямо къ Ликею, по дорогѣ за стѣ- 203.
ною и подлѣ самой стѣны. Находясь близъ калитки, что у
ручья Панопсова ¹, я встрѣтилъ Иппотала, сына Геронимо-
ва, Ктизиппа Пэанійца и многихъ другихъ, стоявшихъ съ
ними юношей. Когда я былъ недалеко отъ нихъ, Иппоталъ,
увидѣвъ меня, закричалъ: откуда идешь, Сократъ, и куда?—
Изъ Академіи, отвѣчалъ я, иду прямо къ Ликею.—Иди-га сю-
да, прямо къ намъ, сказалъ онъ. Не идешь? а вѣдь стоитъ.— В.
Куда же, говоришь ты? спросилъ я, и къ кому къ вамъ?—Сю-
да, сказалъ онъ, указавъ мнѣ на какой-то противъ стѣны за-
боръ и на отворенную калитку. Тамъ проводимъ время и мы
сами, и многіе другіе прекрасные юноши.—Такъ что жъ это
такое ²? что за препровожденіе времени?—Палестра, сказалъ 204.

---

¹ Идучи изъ Академіи въ Ликей, за городскою стѣною, Сократъ долженъ былъ идти вдоль мимо южной стѣны города, по направленію къ восточной его части, до воротъ ахарнейскихъ, недалеко отъ которыхъ и вблизи Ликея протекалъ ручей Панопсовъ. Подъ именемъ Академіи здѣсь нельзя разумѣть основанной Платономъ школы и думать, будто Лизисъ написанъ Платономъ уже въ то время, когда эта школа была открыта. Академіею называлось аеинское пригородное мѣсто,—паркъ или садъ, гдѣ Аеиняне иногда прогуливались. Это урочище Платонъ приобрѣлъ гораздо позднѣе, по возвращеніи изъ Сициліи, и сталъ тамъ преподавать свою философію (см. Сочин. Платона Т. I, стр. 8). Мѣстомъ загородной прогулки и тѣлесныхъ упражненій былъ также Ликей, котораго сады орошалъ ручей Панопсовъ (*Strab.* IX, 397, ed. Almel.) и въ который вела между прочимъ упоминаемая здѣсь калитка.

² Объ Иппоталѣ, сынѣ Геронимомъ, изъ другихъ источниковъ ничего неизвѣстно; но Ктизиппъ, двоюродный братъ Менексена, вводится разгова-

- онъ; недавно выстроена. А время проводимъ въ рѣчахъ, которыми съ удовольствіемъ подѣлились бы мы и съ тобою.—Да и хорошо сдѣлаете, примолвилъ я; кто же тамъ учить?—Твой другъ и хвалитель Миггъ, сказалъ онъ.—Клянусь Зевсомъ! воскликнулъ я, не плохой человѣкъ, но удовлетворительный софистъ.—Такъ хочешь ли слѣдовать за нами, спросилъ онъ, В. чтобы видѣть находящихся тамъ?—Я желалъ бы слышать сперва главное ¹, (для чего и вхожу), кто тамъ красавецъ.— Всякому изъ насъ, Сократъ, кажется такимъ иной, сказалъ онъ.—А тебѣ-то кто, Иппоталь?—это скажи мнѣ. При моемъ вопросѣ онъ покраснѣлъ; а я продолжалъ: Сынъ Иеронима, Иппоталь! хотя бы ты и не говорилъ, — любишь кого или нѣтъ, я вѣдь знаю, что ты не только любишь, но и далеко уже зашелъ въ своей любви. Въ другихъ отношеніяхъ я, конечно, С. плохъ и бесполезенъ, но то дано мнѣ какбы отъ Бога, что тотчасъ могу узнать, кто любитъ и кто любимъ. Услышавъ это, онъ еще болѣе покраснѣлъ.—Забавно однакожь, замѣтилъ при этомъ Ктизиппъ, что ты краснѣешь, Иппоталь, а сказать Сократу имя медлишь. Между тѣмъ, если онъ проведетъ съ тобою хоть немного времени, ты убьешь его, то и дѣло повторяя это слово. Иппоталь уже оглушилъ и забилъ на- Д. ши уши Лизисомъ, Сократъ: а если еще подопъетъ, то намъ и проснувшись легко будетъ думать, будто слышимъ имя Лизиса. Притомъ ужасно, конечно, бываетъ хотя, и не очень, когда

ривающимъ и въ Эвтидемѣ (273 А), гдѣ изображается онъ юношею хотя даровитымъ, однакожь слишкомъ дерзкимъ, неумѣющимъ обуздывать своего языка. Какъ родственникъ Менексена, любимого ученика Сократова, Ктизиппъ вмѣстѣ съ Менексеномъ былъ свидѣтелемъ смерти Сократа (Phaedon. p. 59 А). Менексенъ между товарищами особенно друженъ былъ съ Лизисомъ, сыномъ Демократа и внукомъ Лизиса старшаго. Домъ Лизисовъ былъ богатѣйшимъ въ Афинахъ, а Лизисъ младшій—самымъ прекраснымъ и умнымъ мальчикомъ между своими сверстниками.

¹ *Слышать сперва главное*—*αὐτοῦ πρῶτον—ἀκούσαιμι*. Въ этомъ значеніи *αὐτό* употребляется во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. Напр. Charm. p. 166 В: 'Επ' αὐτό θεῖς ἐρευνᾶν—постарайся изслѣдовать главное. De Rep. II, p. 362 D: αὐτὸ οὐκ εἶρηται, ἔ μάλιστα ἴδει ρηθῆναι — не сказано главнаго, о чемъ сказать надлежало.

ведетъ онъ живую рѣчь, а что какъ вздумаетъ еще заливать насъ стихотвореніями и сочиненіями? Но всего ужаснѣе, если свою любовь начинаетъ онъ воспѣвать дивнымъ голосомъ, который должны мы слушать терпѣливо. А теперь, при твоёмъ вопросѣ, краснѣетъ. — Этотъ Лизись, видно, — дитя, примолвилъ я: заключаю изъ того, что слышимаго мною имени я не зналъ. **Б.** — Да, имя Лизиса какъ-то еще не очень произносятся, сказалъ онъ; его называютъ пока по отцу, который весьма извѣстенъ. Посему, я хорошо знаю, что это лицо никакъ не можетъ быть тебѣ незнакомо; уже по одному этому ты долженъ его знать. — Да скажи мнѣ, спросилъ я, чей онъ сынъ. — Старшій сынъ Димократа эксонскаго ¹, отвѣчалъ онъ. — Хорошо, Иппоталь, сказалъ я; ты нашелъ любовь благородную и во всѣхъ отношеніяхъ превосходную. Ну, покажи же ее и мнѣ, какъ показываешь этимъ, чтобы я зналъ, разумѣешь ли ты, что долженъ **205.** говорить любящій о любимомъ самому любимцу и другимъ. — Но развѣ изъ того, что этотъ толкуетъ, какое-нибудь слово имѣетъ вѣсь? сказалъ онъ. — Неужели же ты отрекаешься отъ той любви, о которой этотъ говоритъ? спросилъ я. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; но я не пишу ни стиховъ, ни прозы ² о любви. — Онъ нездоровъ, примолвилъ Ктизиппъ, — онъ въ изступленіи, въ помѣшательствѣ. — Мнѣ нужно слышать, Иппоталь, не что-нибудь метрическое и не пѣснь, сказалъ я, если ты писалъ это на твоего юношу, а мысли, чтобы знать твой къ **В.** нему отншенія. — Вѣроятно, онъ скажетъ тебѣ, отвѣчалъ Иппоталь; ибо твердо знаетъ и помнить, когда этимъ я, какъ говоритъ, прожужжалъ ему уши. — И очень, клянусь богами, примолвилъ Ктизиппъ. Да вѣдь и смѣшно, Сократъ: любя молодого своего человѣка и обращая на него вниманіе преимущественно предъ другими, не мочь сказать ничего отъ себя, че-

¹ Λίζωνη было мѣстечко въ трибѣ Кекропсовой, о которой см. Suid., Steph. Byz. Zonar. etc.

² Не пишу ни стиховъ, ни прозы — μή ποιεῖν μηδὲ συγγραφεῖν. Ποιεῖν, стоящее отрѣшенно, значитъ писать стихи, и тогда этому глаголу противопоставляется συγγραφεῖν, то-есть писать прозою. Phaedr. p. 235 В.

го не говорилъ бы тотъ молодой человѣкъ, — какъ это не смѣш-
 С. но! Вѣдь что поетъ цѣлый городъ и о Димократѣ и о дѣдѣ мо-
 лодаго человѣка Лизиса, и о всѣхъ его предкахъ, какъ они,
 будучи богаты, воспитывали лошадей и одерживали побѣды на
 пивойскихъ, истмійскихъ и немейскихъ играхъ, ѣздя и чет-
 вернею и на скакунахъ; то самое, да еще глупѣе, стихотвор-
 ствуетъ и говоритъ ¹ этотъ. Вотъ недавно разсказалъ онъ намъ
 вь стихахъ о приѣмѣ Иракла, какъ предокъ ихъ, родившійся
 D. самъ отъ Зевса и дочери родоначальника демы, по родству съ
 Иракломъ, принималъ его у себя гостемъ, — и многое подобное
 этому, о чемъ поютъ старухи ², Сократъ. О такихъ-то вещахъ
 рассказы и пѣсни принуждаетъ онъ слушать и насъ. — Вы-
 слушавъ это, я сказалъ: какъ ты смѣшонъ, Иппоталь! еще
 не одержавши побѣды, уже пишешь и поешь въ похвалу себѣ
 стихи. — Но и не себѣ, Сократъ, и не пишу, и не пою, ска-
 залъ онъ. — И не думаешь? примолвилъ я. — А это что зна-
 E. чить? спросилъ онъ. — Тѣ оды всего болѣе касаются тебя,
 сказалъ я. Вѣдь еслибы ты поймалъ такой предметъ любви,
 то рассказываемое и воспѣваемое дѣйствительно послужило
 бы въ честь и похвалу тебѣ, какъ побѣдителю, овладѣвшему
 такимъ любимцемъ. Если же, напротивъ, онъ убѣжитъ отъ те-
 бя, то чѣмъ больше наговорилъ ты похвальнаго о немъ, тѣмъ
 больше, кажется, лишишься прекраснаго и добраго самъ, и бу-
 206. дешь тѣмъ смѣшнѣе. Итакъ, другъ мой, кто въ любви мудръ,
 тотъ не хвалить любимца, прежде чѣмъ не поймаетъ его, бо-
 ясь, не думаетъ ли онъ какъ-нибудь уйти. Притомъ, красав-
 цы, когда кто хвалить и величаетъ ихъ, становятся само-
 мнительны и высокомѣрны. Или не думаешь? — Думаю, ска-
 залъ онъ. — А чѣмъ они высокомѣрнѣе, тѣмъ труднѣе бы-
 ваетъ ловить ихъ. — Ужъ вѣроятно. — Каковъ же, по твоему

¹ *Стихотворствуетъ и говоритъ*—ποιεῖ καὶ λέγει. Явно, что первымъ глаголомъ здѣсь указывается на сочиненія стихотворныя, а послѣднимъ на глаголъ συυράζειν, или на прозу.

² *Поютъ старухи* — αἱ γράται ἄδουσι. Разумѣется безъ сомнѣння пословица γράται ἰθὺς—бабы сказки. См. Gorg. p. 527 A. Theaet. p. 176 B.

миѣнїю, былъ бы ловець, еслибы онъ поднялъ звѣря и чрезъ то ловлю сдѣлалъ самую безуспѣшную? — Явно, что плохой. В. — Такъ рѣчами и одами не обворожать, а ожесточать, есть важная неловкость. Не правда ли? — Миѣ кажется. — Смотри же, Иппоталь, какъ бы чрезъ поэзію не подвергнуться тебѣ всему этому. Вѣдь ты, думаю, не захочешь согласиться, что человекъ, вредящій себѣ поэзію, есть хорошій поэтъ, по-колику онъ вредитъ себѣ. — Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; это было бы великое неблагоразуміе. Но для того-то я и сношусь съ тобою, Сократъ, чтобы ты, если имѣешь что-нибудь иное, посовѣтовалъ миѣ, какую рѣчь вести, С. или что дѣлать, чтобы сдѣлаться прїятнымъ любимцу. — Это нелегко сказать, замѣтилъ я. Впрочемъ, еслибы ты захотѣлъ заставить его войти въ разговоръ со мною, то, можетъ быть, я и въ состоянїи былъ бы показать тебѣ, о чемъ должно говорить съ нимъ, вмѣсто того, что, по свидѣтельству этихъ, ты говоришь и поешь. — Да тутъ нѣтъ ничего труднаго, сказалъ онъ: если ты войдешь съ этимъ Ктизиппомъ, сядешь и будешь разговаривать; то я думаю, Сократъ, что онъ самъ подойдетъ къ тебѣ, потому что любить слушать больше, чѣмъ D. другіе. Притомъ, такъ какъ теперь празднуютъ Эрмеи, и юноши смѣшаны съ дѣтми въ одну толпу; то онъ подойдетъ къ тебѣ непременно: когда же нѣтъ, — вотъ Ктизиппъ, съ которымъ онъ знакомъ чрезъ двоюроднаго его брата Менексена; а ужъ съ Менексомъ-то онъ въ дружбѣ больше всѣхъ. Итакъ, Ктизиппъ пусть позоветъ его, если не подойдетъ онъ самъ. — Надобно сдѣлать это, сказалъ я, — и, взявъ съ собою Ктизиппа, пошелъ въ палестру; прочіе же всѣ слѣдовали за нами. E.

Вошедши туда, мы нашли тамъ, что дѣти, принесши жертву и, относительно священнодѣйствїя, почти все уже окончивши, играли въ кости и всѣ были украшены ¹. Многіе бѣга-

¹ Были украшены, *κελοσμημένοι*. Въ чемъ могло состоять это украшеніе и по какому случаю? Изъ словъ Казавбона (ad Theophr. p. 212, ed. Fisch.) видно, что у Аѳинянъ, какъ и у Римлянъ, при жертвоприношенїи всѣ имѣли на себѣ платье бѣлаго цвѣта, или вообще *λομπρά ἀναδύματα*, но къ этому, вѣроятно,

ли внѣ дома по двору, а нѣкоторые въ углу раздѣвальнойниці играли въ четъ и нечетъ ¹, имѣя въ рукахъ множество игральныхъ костей, которыя предварительно брали изъ какихъ-то корзинокъ. Ихъ окружали другіе, какъ зрители, и между ними находился также Лизись. Онъ стоялъ среди дѣтей и юношей, былъ въ вѣнкѣхъ и, отличаясь лицомъ, стоилъ имени юноши не только прекраснаго, но прекраснаго и добраго. Отошедши въ противоположную сторону (раздѣвальнойниці), мы сѣли — ибо тамъ было потише — и кое-о-чемъ разговаривали между собою. Лизись то и дѣло оборачивался и смотрѣлъ на насъ, и явно было, что ему хотѣлось подойти къ намъ. Но онъ недоумѣвалъ и медлилъ приблизиться одинъ — до тѣхъ поръ, пока не пришелъ со двора Менексенъ, участвовавшій тамъ въ играхъ. Увидѣвъ меня и Ктизиппа, Менексенъ подошелъ и сѣлъ подлѣ насъ. Тогда и Лизись послѣдовалъ ему и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Пришли тутъ и другіе. Да и Иппоталь, когда увидѣлъ вокругъ насъ большую толпу, прячась за нее, подошелъ и думалъ, какъ бы не замѣтилъ его Лизись, потому что боялся возбудить въ немъ досаду, и, стоя такимъ образомъ, слушалъ.

Взглянувъ на Менексена, я спросилъ его: сынъ Димфонтовъ! который изъ васъ старше? — Не знаемъ навѣрное, отвѣчалъ онъ. — А который благороднѣе, — сказалъ бы? спросилъ я опять. — Конечно, отвѣчалъ онъ. — И даже, равнымъ образомъ, который прекраснѣе? — Тутъ оба засмѣялись. — Но я не спрошу, кто изъ васъ богаче, продолжалъ я; потому что вы друзья. Не правда ли? — Конечно, сказали они. — А у друзей, по пословицѣ, все общее ²; такъ что этимъ-то вы не будете различаться, если разумѣете дружбу истинную. — Подтвердили. —

надобно присоединить еще увѣнчиваніе, или украшеніе головы лентами, либо цвѣтами. *Spanhem. ad Callim. p. 546. Plat. de Rep. init.*

¹ Объ игрѣ въ четъ и нечетъ, τὸ ἄρτιαζεῖν, или, какъ говорили Римляне, ludere par impar, см. *Sveton. August. c. 71. Horat. serm. II, sat. 3, v. 248. Pollux. lib. IX, cap. ult.*

² У друзей все общее — κοινὰ τὰ φίλων. Пифагорейская пословица. См. *de Rep. p. 424 A. Menag. ad Diog. L. VIII, 10.*

Послѣ этого хотѣлъ я спросить, который изъ нихъ спра- D.
ведливѣе и мудрѣе. Но тутъ кто-то подошелъ и поднялъ Ме-
нексена, говоря, что его зоветъ педотривъ; потому что Ме-
нексену, кажется, пришлось быть наблюдателемъ жертвъ ¹.
Итакъ, онъ ушелъ, а я спросилъ Лизиса: тебя, Лизись, долж-
но быть, очень любить отецъ и мать? сказалъ я. — Конечно,
отвѣчалъ онъ. — Поэтому они хотѣли бы, чтобы ты былъ са-
мымъ счастливымъ человѣкомъ. — Какъ не хотѣть? — А кажет- E.
ся ли тебѣ счастливымъ человѣкъ рабствующій и неимѣющій
позволенія дѣлать, что желаетъ? — Не кажется, клянусь Зев-
сомъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, если отецъ и мать любятъ тебя
и желаютъ, чтобы ты былъ счастливъ; то всячески явно, что
они стремятся доставить тебѣ наслажденіе счастіемъ. — Какъ
не стремиться? сказалъ онъ. — Слѣдовательно, позволяютъ те-
бѣ дѣлать, что хочешь, и не выговариваютъ, не препятству-
ють дѣлать, что желаешь? — Да, клянусь Зевсомъ; мнѣ-то, Со-
кратъ, они во многомъ-таки препятствуютъ. — Что ты гово-
ришь? спросилъ я: желая, чтобы ты блаженствовалъ, препят- 208.
ствуютъ дѣлать, что хочешь? Да скажи мнѣ вотъ что: еслибы
ты пожелалъ ѣхать на одной изъ военныхъ колесницъ твоего
отца и взять въ руки вожжи, когда онъ сражается, неужели
онъ не позволилъ бы тебѣ, а воспретилъ? — Клянусь Зевсомъ,
никакъ не позволилъ бы! — Кому же позволилъ бы? — У отца
есть возничій, получающій жалованье. — Что ты говоришь? на-
емщику больше позволяютъ они дѣлать, что хочется, въ отно-
шеніи къ лошадямъ, чѣмъ тебѣ, да еще за это самое платятъ
деньги? — Такъ что же? сказалъ онъ. — Ну а пару муловъ, ду-
маю, довѣряютъ твоему управленію, и хотя бы ты, взявши B.
плеть, сталъ ихъ бить, позволили бы? — Куда позволить! отвѣ-
чалъ онъ. — Что же? сказалъ я; развѣ никому не позволяется
бить ихъ? — И очень позволяется, отвѣчалъ онъ, — погонщику
муловъ. — Рабу, или свободному? — Рабу, сказалъ онъ. — И ра-
ба, видно, больше цѣнятъ они, чѣмъ тебя — сына, и больше соб-

¹ Наблюдатель жертвъ, *ιεροποιός*, по Ульпіану (ad Midian. p. 367), былъ *ὁ ἐπίσκοπος τῶν θυμάτων, μὴ ἀδόκιμα καὶ πηρά.*

ственности ввѣряютъ ему, чѣмъ тебѣ,—тому позволяютъ дѣ-
 с. лать, что хочеть, а тебѣ препятствуютъ. Скажи мнѣ еще это:
 тебѣ самому позволяютъ начальствовать надъ собою, или и
 этого не довѣряютъ?—Какъ ты говоришь, не довѣряютъ? спро-
 силъ онъ. — Да начальствуетъ ли кто-нибудь надъ тобою?—
 Дядька, сказалъ онъ. — Ужели рабъ? — А почему же? вѣдь
 нашъ, сказалъ онъ.—Какъ это ужасно! свободному быть подъ
 начальствомъ раба! примолвилъ я. Что же тамъ дѣлаеть этотъ
 дядька, когда начальствуетъ надъ тобою?—Ну да водить меня
 къ учителю, сказалъ онъ. — Ужъ не начальствуютъ ли надъ
 D. тобою и эти учителя-то¹?—Ну да, всячески —Слѣдовательно,
 отецъ, по своей волѣ, поставилъ надъ тобою очень много гос-
 подъ и начальниковъ. Но можетъ быть, когда приходишь ты
 домой, къ матери, — она, чтобы ты былъ у ней счастливъ, поз-
 воляетъ тебѣ дѣлать все, что хочешь, съ шерстью и съ осно-
 вою, если тогда ткеть? Вѣдь ужъ конечно, не препятствуетъ
 она трогать и бедро, и челнокъ, и другія орудія, относящіяся къ
 пряденію шерсти.—При этомъ онъ засмѣялся и сказалъ: кля-
 нусь Зевсомъ, Сократъ, — нетолько что препятствуетъ, но и
 E. прибила бы, еслибы дотронулся. — Ираклъ! воскликнулъ я,
 ужъ не оскорбилъ ли ты чѣмъ-нибудь отца или матери?—Кля-
 нусь Зевсомъ, нѣтъ, сказалъ онъ.—Но за что же они такъ силь-
 но препятствуютъ тебѣ быть счастливымъ и дѣлать, что хо-
 чешь, и цѣлый день воспитываютъ тебя такъ, чтобы ты кому-
 нибудь рабствовалъ, — однимъ словомъ: чтобы ты, хоть не-

¹ Ужъ не начальствуютъ ли и эти учителя-то—*μῶν μὴ καὶ οὗτοι ἄρχουσιν οἱ διδάσκαλοι*; хотя это выраженіе и не представляетъ различныхъ чтеній, но, кажется, лучше было бы читать: *οἱ διδάσκαλοι γέ*. Притомъ, такъ какъ частица *μῶν* сложена изъ *μή* и *οὐ*, то съ перваго взгляда можетъ представляться страннымъ, что послѣ *μῶν* стоитъ опять *μή*. Но простое *μή* означаетъ рѣчь вопросительную, выражающую желаніе или нежеланіе, а потому спрашиваетъ какбы съ опасеніемъ. Такъ Protag. p. 310 В: *μή τι νεώτερον ἀγγέλλεις*; Между тѣмъ, когда послѣ *μή* слѣдуетъ *οὐ*, то обѣ эти частицы, сливаясь въ одну, становятся частицею почти вовсе неотрицающею и невопрошающею. Поэтому, еслибы требовалось усилить вопросъ и отрицаніе, то *μῶν* допускаеть особое *μή*, какъ, напримѣръ, ниже: *μῶν μὴ τι ἠδίκηκας τὸν πατέρα*; — *ужъ не оскорбилъ ли ты чѣмъ-нибудь отца*? Нисколько также неудивительно, если послѣ *μῶν* иногда повторяется *οὐ*.

множко пожелай чего-нибудь, никакъ не дѣлалъ? Поэтому тебѣ, 209.
какъ видно, нѣтъ пользы ни въ деньгахъ, — хотя сколько ихъ!
и надъ ними больше начальствуютъ всѣ, чѣмъ ты, — ни въ
столь благородномъ тѣлѣ, когда и его также пасеть и холить
другой: а ты, Лизись, не начальствуешь ни надъ чѣмъ и не
дѣлаешь ничего, чего желаешь. — Должно быть, потому, что
я еще не въ такомъ возрастѣ, Сократъ, сказалъ онъ. — А что,
если не это, сынъ Димократа, препятствуетъ тебѣ? Вѣдь есть,
думаю, много вещей, которыя и отецъ и мать повѣряютъ те-
бѣ, не ожидая, пока придешь въ возрастъ. Когда, напримѣръ,
угодно имъ, чгобы что-нибудь было прочитано или написа- В.
но, — думаю, тебя перваго въ домѣ назначаютъ къ тому. Не
правда ли? — Конечно, сказалъ онъ. — И въ этомъ случаѣ ты,
вѣроятно, можешь, какое хочешь письмо писать — во-первыхъ,
и какое хочешь — во-вторыхъ; такимъ же образомъ и читать.
А когда, думаю, берешь лиру, — ни отецъ, ни мать не препят-
ствуютъ тебѣ натянуть или ослабить какую хочешь струну,
и либо сотрясать ее пальцами, либо ударять плектромъ. Или
препятствуютъ? — Нѣтъ. — Такъ какая же могла бы быть при-
чина, Лизись, что въ этомъ они не препятствуютъ, а въ томъ, с.
о чемъ сейчасъ сказано, препятствуютъ? — Думаю, та, отвѣ-
чалъ онъ, что это я знаю, а того нѣтъ. — Хорошо, почтен-
нѣйшій, сказалъ я; слѣдовательно, не возраста твоего дожи-
дается отецъ, чтобы ввѣрить тебѣ все, но въ который день
найдетъ, что ты разумѣешь вещи лучше, чѣмъ онъ, въ тотъ
ввѣрить тебѣ и себя и свое. — Думаю, сказалъ онъ. — Пускай,
продолжалъ я. Что же? у сосѣда не то же ли понятіе о тебѣ,
какое у отца? Думаешь ли, что управленіе своимъ домомъ D.
онъ ввѣритъ тебѣ, когда найдетъ, что ты лучше его разумѣ-
ешь домоводство, или будетъ распорядиться самъ? — Думаю,
ввѣритъ мнѣ. — Что жъ? Аѳиняне не ввѣрятъ тебѣ, думаешь,
своего, когда замѣтятъ, что ты удовлетворительно уменъ?
— Согласился. — А что, ради Зевса, великій царь, спросилъ я,
старшему ли сыну, который управляетъ Азією, скорѣе довѣ- E.
рилъ бы, когда варится мясо, положить въ похлебку, что ему

хочется, или намъ, еслибы мы, отправившись къ нему, доказали, что умѣемъ лучше, чѣмъ его сынъ, готовить съѣстное?—Явно, что намъ, сказалъ онъ.—И тому-то не позволилъ бы нисколько класть приправы; а намъ, хотя бы мы захотѣли положить цѣлую горсть соли, позволилъ бы.—Какъ не позволить?—А что, еслибы его сынъ страдалъ глазами, позволилъ ли бы онъ этому сыну прикасаться къ своимъ глазамъ,

210. не почитая его врачомъ, или запретилъ бы?—Запретилъ бы.—Напротивъ, намъ-то, еслибы онъ признавалъ насъ врачами, хотя бы мы захотѣли, открывши глаза больнаго, насыпать въ нихъ пыли, думаю, не запретилъ бы, полагая, что мы правильно разумѣемъ дѣло.—Правду говоришь.—Стало-быть, онъ больше, чѣмъ себѣ и своему сыну, довѣрилъ бы намъ и все другое, въ отношеніи къ чему мы показались бы ему мудрѣ ихъ.—Необходимо, Сократъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, бываетъ такъ, любезный Лизисъ, примолвилъ я: въ

В. чемъ мы оказываемся разумными, въ томъ всѣ намъ довѣряютъ—Эллины и варвары, мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи мы будемъ дѣлать, что ни захотѣли бы, и никто добровольно не станетъ намъ препятствовать; въ этомъ отношеніи сами мы будемъ свободны, управляя другими, — и это будетъ наше, потому что изъ этого мы станемъ получать пользу: напротивъ, въ чемъ не приобрѣли мы разумнія, въ отношеніи къ тому никто не довѣритъ намъ дѣлать, что покажется, а еще всѣ будутъ препятствовать, сколько могутъ, —

С. не только чужіе, но и отецъ и мать, и если есть что ближе ихъ; въ отношеніи къ тому мы сами будемъ слушаться другихъ, и то у насъ будетъ чужое, потому что изъ того мы ничѣмъ не воспользуемся. Согласенъ ли ты, что такъ бываетъ?—Согласенъ.—Итакъ, будемъ ли мы кому-нибудь друзьями, и будетъ ли кто-нибудь любить насъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ мы были бы ему бесполезны?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, теперь ни отецъ не любитъ тебя, ни кто другой не любитъ никого другаго, поколику онъ бесполезенъ.—Повидимому, нѣтъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, еслибы ты

былъ мудрецомъ, дитя, то всѣ были бы твоими друзьями, всѣ—твоими домашними; ибо тогда ты былъ бы полезенъ и добръ: D. а когда нѣтъ, — не будетъ тебѣ другомъ ни иной кто-либо, ни отецъ, ни мать, ни домашніе. Итакъ, можно ли, Лизись, высокоумничать въ томъ, чего еще не разумѣешь?—Да какъ же можно? сказалъ онъ.—Но если ты имѣешь нужду въ учителѣ, то еще не уменъ.—Правда.—Слѣдовательно, ты не заносчивъ, если еще не уменъ. — Кажется, нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ онъ.—

Услышавъ это, я взглянулъ на Иппотала и едва не сдѣлалъ E. ошибки. Мнѣ приходило на мысль сказать, что такъ-то, Иппоталъ, надобно разговаривать съ любимцами—усмирять ихъ и успокоивать, а не такъ, какъ ты,—надмевать и изнѣживать. Но видя, что онъ отъ нашего разговора въ пыткѣ и возмущеніи, я вспомнилъ, что, стоя тутъ, ему хотѣлось укрыться отъ Лизиса, а потому одумался и продолжалъ рѣчь.

Въ это время возвратился Менексенъ и сѣлъ возлѣ Ли- 211. зиса (на то мѣсто), откуда всталъ. Тогда Лизись очень дѣтски и мило, но скрытно отъ Менексена, проговорилъ мнѣ въ полголоса и сказалъ: Сократъ! скажи то же и Менексену, что говорилъ ты мнѣ. — А я отвѣчалъ: это расскажешь ему ты, Лизись, потому что слушалъ внимательно.—Безъ сомнѣнія, примолвилъ онъ.—Впрочемъ постараюсь, сказалъ я, припоминать о томъ, сколько можно чаще, чтобы ты могъ яснѣе B. передать ему весь нашъ разговоръ. Если же что забудешь, опять, при первой встрѣчѣ со мною, спроси меня.—Такъ и сдѣлаю, Сократъ, сказалъ онъ; непременно сдѣлаю, будь увѣренъ. Но скажи ему что-нибудь иное, чтобы и мнѣ послушать, пока придетъ время идти домой.—Да, надобно это сдѣлать, когда и ты приказываешь, сказалъ я. Но смотри, чтобы помогать мнѣ, если Менексенъ захочетъ обличать меня. Развѣ ты не знаешь, что онъ спорщикъ?—Да, клянусь Зевсомъ, и большой, сказалъ онъ. Для того-то я и хочу, чтобы ты съ с. нимъ поговорилъ.—Чтобы мнѣ быть осмѣяннымъ? сказалъ я.—О нѣтъ, клянусь Зевсомъ; но чтобы наказать его.—Ку-

да! нелегко, сказалъ я; онъ человѣкъ сильный, ученикъ Кти-
зиппа. А вѣдь онъ и самъ тутъ — Ктизиппъ-то, не видишь?
— Не заботься ни о комъ, Сократъ, только говори съ нимъ.
— Надобно говорить, сказалъ я.

Тогда какъ мы сообщали это одинъ другому, Ктизиппъ
сказалъ: зачѣмъ вы пируете одни, а намъ не передаете сво-
D. ихъ рѣчей? — Да, конечно, надобно передать, отвѣчалъ я; по-
тому что изъ моихъ словъ этотъ кое-чего не понимаетъ и,
полагая, что непонимаемое знаетъ Менексень, приказываетъ
спросить его. — Что же не спрашиваешь? сказалъ онъ. — Да,
спрошу, отвѣчалъ я. Скажи мнѣ, Менексень, о чемъ я спро-
шу тебя. Съ самаго дѣтства у меня бываетъ желаніе получить
что-нибудь, какъ у другаго — получить другое: вѣдь одинъ же-
лаетъ приобрѣсть лошадей, другой — собакъ, тотъ — золото,
E. этотъ — почести; но я къ этому равнодушенъ, за то къ приоб-
рѣтенію друзей весьма склоненъ и болѣе желалъ бы имѣть у
себя добраго друга, чѣмъ наилучшаго въ свѣтѣ¹ перепела или
пѣтуха, и — клянусь Зевсомъ — болѣе желалъ бы имѣть это,
чѣмъ коня и собаку. Думаю даже, клянусь собакою, что я гораз-
до скорѣе избралъ бы приобрѣтеніе друга, чѣмъ Даріева золо-
та, или и самого Дарія. Такъ я друголюбивъ! Поэтому, смотря
212. на васъ — на тебя и Лизиса, изумляюсь и почитаю васъ счаст-
ливыми, что вы въ столь ранней молодости могли скоро и
легко приобрѣсть это стяжаніе, что ты такого друга скоро и
сильно полюбилъ въ этомъ, а этотъ — въ тебѣ. Напротивъ, я
столь далекъ отъ подобнаго стяжанія, что даже не знаю, ка-
кимъ образомъ одинъ становится другомъ другаго, и объ этомъ
самомъ хочу спросить тебя, какъ опытнаго. Скажи же мнѣ, —
когда кто кого любитъ, — который изъ нихъ котораго бываетъ
B. другомъ, любящій ли — другомъ любимаго, или любимый —
любящаго? Или это все равно? — Мнѣ кажется, все равно, ска-
залъ онъ. — Что ты говоришь? спросилъ я: стало-быть, оба они

¹ *Наилучшаго во свѣтѣ* — *ἄριστον ἐν ἀνθρώποις*. Примѣры употребленія сло-
ва *ἐν ἀνθρώποις* въ такомъ значеніи собраны Гейндорфомъ. О страсти Аеинянъ
содержать перепеловъ для боя и игръ см. *Meurs. in Themid. Attic. II, 25.*

—друзья другъ друга, когда только одинъ любить другаго?—
 Миѣ кажется, отвѣчалъ онъ.—Какъ же? любящему развѣ не-
 лзя быть любимымъ отъ того, кого онъ любить?—Можно.
 Что же? можно ли и ненавидѣть любящаго,—какъ иногда тер-
 пять это, повидимому, любящіе отъ своихъ любимцевъ? ибо
 любя ихъ, сколько могутъ болѣе, иные изъ нихъ думаютъ,
 что имъ не отвѣчаютъ любовью, а иногда и ненавидятъ ихъ. С.
 Какъ тебѣ кажется? не правда ли это?—Да и совершенная
 правда, сказалъ онъ.—Итакъ, въ этомъ случаѣ одинъ любить,
 а другой бываетъ любимъ, примолвилъ я.—Да.—Который же
 изъ нихъ котораго другъ? Любящій ли—другъ любимаго,—
 хоть отвѣчаетъ ему послѣдній любовью, хоть ненавидитъ его,
 —или любимый—другъ любящаго? Или, въ томъ случаѣ, когда
 не оба они любятъ другъ друга, никоторый не есть другъ ни-
 котораго?—Да, кажется, такъ.—Стало-быть, теперь намъ ка-
 жется иначе, чѣмъ казалось прежде; ибо тогда,—если одинъ D.
 любилъ,—оба были друзьями, а теперь,—если не оба любятъ,
 —никоторый не другъ.—Должно быть, сказалъ онъ.—Итакъ,
 ничто не дружественно любящему, что не отвѣчаетъ ему лю-
 бовью.—Выходитъ, что нѣтъ.—Стало-быть, нѣтъ ни любите-
 лей лошадей, когда не отвѣчаютъ имъ любовью лошади, ни
 любителей перепеловъ, ни любителей собакъ, ни любителей
 вина, ни любителей палестры, ни любителей мудрости, если
 не отвѣчаетъ имъ любовью мудрость. Или, хотя каждый изъ E.
 нихъ и любить это, однакожь они—не друзья, и поэтъ обма-
 нывается, когда говорить:

Счастливъ, кому дѣти друзья, и твердокопытные кони,
 И гончіе псы, и гость иностранецъ ¹?—

Я полагаю, что не обманывается, сказалъ онъ.—Такъ сло-
 ва его кажутся тебѣ справедливыми?—Да.—Значить, люби-
 мое, Менексенъ, любящему, должно быть дружественно,—лю-

¹ Изъ того, что писалъ *Ruhnken. ad Callimach. Fragm., p. 421, ed. Ern.,* видно, что авторомъ этихъ стиховъ былъ Солонъ.

- бить ли оно, или ненавидить, подобно тому, какъ новорож-
313. денное дитя, иногда еще нелюбящее, а иногда и ненавидящее, если матерью либо отцомъ бываетъ наказываемо, не смотря на его ненависть въ то время, всего болѣе, однакожь, бываетъ дорого родителямъ. — Мнѣ кажется, это такъ, сказалъ онъ. — Стало-быть, другъ — не тотъ, кто любитъ, а тотъ, кто любимъ? — Выходить. — Стало-быть, и врагъ — не тотъ, кто ненавидитъ, а тотъ, кто ненавидимъ? — Явно. — Стало-быть, многіе врагами бываютъ любимы, а друзьями ненавидимы, и врагамъ бываютъ друзья, а друзьямъ враги, если другъ есть любимое, а не любящее; хотя великая несообразность, или лучше, думаю, дѣло невозможное — врагомъ быть другу, а другомъ — врагу, любезный другъ. Повидимому, ты говоришь правду, Сократъ, сказалъ онъ. — Если же это невозможно, то любящій будетъ другомъ любимаго. — Явно — Стало-быть, ненавидящее опять будетъ врагомъ ненавидимаго. — Необходимо. — Но такъ-то намъ придется по необходимости согласиться на то же самое, на что согласились прежде, что другъ часто бываетъ другомъ не-друга, либо даже врага, когда кто или не любитъ любящаго, или любить и ненавидящаго, и что врагъ часто также бываетъ врагомъ не-врага, либо даже друга, когда кто или не любитъ ненавидящаго, или ненавидитъ любящаго. — Должно быть, сказалъ онъ. — Такъ что же мы положимъ, спросилъ я, если друзьями не будутъ ни любящіе, ни любимые, ни тѣ ни другіе? Неужели, и кромѣ этихъ, признаемъ друзьями еще иныхъ какихъ-нибудь? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ онъ; тутъ я не слишкомъ находчивъ. — Да не въ томъ ли дѣло ¹, Менексенъ, спросилъ я, что мы вовсе неправильно искали? — Мнѣ кажется, Сократъ, сказалъ Лизисъ и, сказавши, покраснѣлъ. — Мнѣ показалось, что это слово вырвалось

¹ *Да не въ томъ ли дѣло* — *ἔρα μή*. Въ подобномъ соединеніи *μή* употребляется отрицательно и теряетъ значеніе отрицательное; а потому въ сужденіяхъ дѣйствительно отрицательныхъ послѣ него ставится *οὐ*. Напр., Менон. р. 89 С: *ἀλλὰ μή τοῦτο οὐ καλῶς ὑμολογῆσαμεν*.

у него невзначай—вслѣдствіе того, что онъ былъ очень внимателенъ къ разговору, слѣдовательно и слушалъ его со вниманіемъ.

Итакъ, съ одной стороны, желая дать отдыхъ Менексену, а съ другой, радуясь любознательности Лизиса, я обратилъ свою рѣчь къ послѣднему и сказалъ: Ты, мнѣ кажется, правду говоришь, Лизись, что еслибы мы правильно изслѣдовали, то, вѣроятно, такъ не заблуждались бы. Не пойдемъ же больше этимъ путемъ,—потому что наше изслѣдованіе походить на путь очень трудный: — мы, кажется, должны идти тѣмъ, на которомъ можно извернуться, изслѣдывая предметъ съ точки зрѣнія поэтовъ; ибо они намъ — какбы отцы мудрости и вожди. Вѣдь поэты, вѣроятно, говорятъ нехудо, полагая, что друзья бываютъ не случайно, но что самъ Богъ дѣлаетъ ихъ друзьями, приводя ихъ одного къ другому; а говорятъ они, помнится, такъ, что Богъ

всегда подобнаго къ подобному ведетъ

и дѣлаетъ ихъ знакомыми ¹. Или ты не встрѣчалъ этихъ в стиховъ? — Встрѣчалъ, сказалъ онъ. — Не встрѣчался ли и съ сочиненіями мудрецовъ ², которые говорятъ то же самое, что подобное съ подобнымъ всегда по необходимости дружно? А говорили и писали они это о природѣ и о всемъ. — Твоя правда, сказалъ онъ. — Такъ хорошо ли они учатъ? спросилъ я. — Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть, на половину, замѣтилъ я, а можетъ быть — и вполнѣ, мы не понимаемъ. Намъ кажется, что злой человѣкъ чѣмъ ближе подходитъ къ злему и больше обращается съ нимъ, тѣмъ дѣлается враждебнѣе, ибо обижаютъ; а обижающій и обижаемый, вѣроятно, не могутъ быть друзьями. Не такъ ли? — Такъ, сказалъ онъ. —

¹ Эти стихи взяты изъ Одиссеи XVII, 218 и называются *ἔπη*, то-есть стихами героическими. См. Phaedr. p. 214 D.

² Платонъ могъ разумѣть здѣсь философовъ школы Анаксагоровой, а еще ближе—атомистовъ, или Демокрита съ его послѣдователями, которые говорили, что подобное обыкновенно приводится въ движеніе подобнымъ, и одно стремится къ другому по средству. *Sympl. Phys.* 7.

- Стало-быть, такимъ образомъ половина изреченія будетъ уже невѣрна, если злые другъ другу подобны. — Правду говоришь. — Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, мудрецы говорятъ о добрыхъ, что они-то подобны и друзья между собою; злые же, какъ и говорится о нихъ, никогда не бываютъ подобны самимъ себѣ,
- Д. будто отуманенные и неустойчивые. А что неподобно самому себѣ и отличается отъ себя, то-то едва ли ужъ можетъ ¹ уподобляться другому, или быть его другомъ. Не такъ ли и тебѣ кажется? — Такъ, сказалъ онъ. — Значить, утверждающіе, что подобный подобному другъ, подразумѣваютъ, какъ я думаю, то, другъ мой, что одинъ добрый одному доброму другъ; злой никогда не соединяется истинною дружбою ни съ добрымъ, ни съ злымъ. Таково ли и твое мнѣніе? — Подтвердилъ. — Стало-быть, мы понимаемъ уже, что такое друзья:
- Е. изслѣдованіе намъ показало, что это будутъ люди добрые. — Конечно, сказалъ онъ; мнѣ кажется. — И мнѣ, примолвилъ я; хотя въ этомъ есть что-то досадное. Давай-ка, ради Зевса, посмотримъ, что я и тутъ подозреваю. Подобный подобному, поколику подобенъ, и потому другъ, долженъ ли быть также полезнымъ, какъ такой такому? или иначе: всякій подобный всякому подобному какую могъ бы принести пользу, либо какой вредъ, чего не принесъ бы самъ себѣ? или
215. что заставилъ бы терпѣть, чего не терпѣлъ бы самъ по себѣ? Такіе-то какъ были бы любимы другъ другомъ, не имѣя попеченія другъ о другѣ? Могли ли бы какъ-нибудь? — Не могли бы. — А что не было бы любимо, — какъ было бы другомъ? — Никакъ не было бы. — Ну такъ подобный подобному не другъ: другомъ былъ бы добрый доброму, поколику добръ, а не поколику подобенъ. — Можетъ быть. — Что же? добрый, поколику добрый, не будетъ ли достаточенъ для себя? — Да. — А достаточный-то, по достаточности, не нуждается ни въ чемъ.

¹ *Едва ли ужъ можетъ уподобляться* — *σκολῆ γέ που τῷ ἄλλῳ ὁμοίον γένοιο*. Частицею *поῦ* обыкновенно выражается сомнѣніе; но если она слѣдуетъ за частицею *γέ*, то сообщаетъ предложенію значеніе мнѣнія и бываетъ тождественна съ словомъ *ἴσως*. Hegmann.

— Какъ же иначе? — Ненуждающійся же ни въ чемъ не бу- В.
детъ ничего и любить. — Конечно нѣтъ. — Но кто не бу-
детъ любить, тотъ не будетъ и дружитья. — Да, такъ. — А
кто не будетъ дружитья - то, тотъ не будетъ другомъ. —
Явно, что нѣтъ. — Какимъ же образомъ добрые, по принято-
му основанію ¹, будутъ у насъ друзьями добрыхъ, когда и
отсутствуя, они не стремятся другъ къ другу, — ибо и въ от-
дѣльности достаточны для самихъ себя, — и присутствуя, не
нуждаются другъ въ другъ? Да такимъ-то людямъ что за при-
чина уважать одному другаго? — Никакой, сказалъ онъ. —
А друзьями-то могутъ быть только тѣ, которые будутъ ува- С.
жать одинъ другаго. — Правда. — Сообрази же теперь, Ли-
зись, куда насъ бросило. Развѣ не въ цѣломъ чемъ-то мы
обманываемся. — Какъ такъ? спросилъ онъ. — Нѣкогда я уже
слышалъ отъ кого-то ² и сейчасъ вспомнилъ, что подобное
съ подобнымъ и добрые съ добрыми находятся въ сильной
враждѣ, и этотъ кто-то ссылался даже на свидѣтельство Исіо-
да, говоря, что «гончаръ порицаетъ гончара, пѣвецъ пѣвца,
нищій нищаго», и таково, говоритъ, все прочее: вещамъ са- D.
мымъ подобнымъ между собою крайне необходимо исполнять-
ся ненавистію, любопреніемъ и враждою, а самымъ неподоб-
нымъ — дружбою; потому что бѣдному необходимо быть дру-
гомъ богатаго, слабому — другомъ сильнаго, ради попеченія,
больному — другомъ врача, и вообще-таки — незнающему необ-
ходимо любить знающаго и дружитья съ нимъ. Даже онъ про- E.
стираетъ свое положеніе еще далѣе, говоря, что подобное не-
только недружественно съ подобнымъ, но и совершенно про-
тивно ему; потому что самое противное съ самымъ против-
нымъ особенно дружно, и не подобнаго, а этого желаетъ каж-
дая вещь, какъ, на примѣръ, сухое — влажнаго, холодное — теп-

¹ По принятому основанію — ἀρχή, то есть по положенному началу: βροτων τῶ βροτῶ φίλον εἶναι.

² Уже слышалъ отъ кого-то — разумѣетъ Гераклита. О Гераклитовой ка-
лѣтѣ см. Συμπ. р. 187 А. Приведенный здѣсь стихъ взять у Исіо-
да Opp. et Dierr. 25 sqq.

- лаго, полное — пустаго, и все прочее такимъ же образомъ. Вѣдь противное есть пища противнаго; а подобное ничѣмъ не можетъ наслаждаться отъ подобнаго. И сказавшій это,
216. другъ мой, кажется, былъ острякъ, потому что хорошо сказалъ. А вы, спросилъ я, какъ находите слова его?—Хорошими, отвѣчалъ Менексень, сколько по крайней мѣрѣ слышали ихъ.—Такъ скажемъ ли, что особенно дружественно противное противному?—Конечно.—Пусть, сказалъ я; но вѣдь не удивительно, Менексень, что тѣ люди со всеобъемлющею мудростью, тѣ хитрые спорщики тотчасъ радостно подскочатъ къ намъ и спросятъ: дружба не есть ли самое против-
- В. ное враждѣ? Что отвѣтимъ мы имъ? Развѣ не необходимо будетъ согласиться, что они говорятъ правду?—Необходимо.—Стало-быть, скажутъ, вражда дружбѣ, или дружба враждѣ дружественна?—Ни то, ни другое, сказалъ онъ.—Ну а справедливое несправедливому, или разсудительное необузданному, или доброе злomu?—И это, мнѣ кажется, не въ такомъ отношеніи.—Однакожь, если что чему дружественно по противоположности, сказалъ я, то необходимо, чтобы и это было дружественнымъ.—Необходимо.—Стало-быть, ни подобное подобному не дружественно, ни противное противному.—Выходитъ, что нѣтъ.—Но разсмотримъ еще слѣдующее,—
- С. чтобы отъ насъ никакъ уже болѣе не скрылось, что дружба дѣйствительно не есть что-нибудь такое, но что, не будучи ни добромъ ни зломъ, она бываетъ дружественна добру.—Какъ ты это говоришь? спросилъ онъ.—Клянусь Зевсомъ, не знаю, отвѣчалъ я, и, по-истинѣ, самъ колеблюсь отъ недоумѣнія. Дружественное, по старинной пословицѣ, должно быть, есть прекрасное; по крайней мѣрѣ это представляется чѣмъ-то нѣжнымъ, гладкимъ, свѣженькимъ, и оттого, можетъ быть,
- D. будучи такимъ, легко ускользаетъ и уходитъ отъ насъ; ибо я говорю, что доброе прекрасно. А ты не думаешь?—И я тоже.—Итакъ, говорю гадательно, что прекрасному и доброму дружественно и не доброе и не злое. А почему говорю гадательно,—слушай. Мнѣ представляются тутъ какбы три

рода: доброе, злое и ни-доброе-ни-злое¹. А тебѣ что?—И мнѣ, сказалъ онъ.—И ни доброе доброму, ни злое злomu, ни доброе злomu не дружественно, какъ не допустило этого и прежде наше разсужденіе. Значить, остается,—если что чему дружественно, —быть дружественнымъ ни-доброму-ни-злomu,—дружественнымъ либо доброму, либо такому, каково само. Вѣдь злomu-то, вѣроятно, ничто не можетъ быть дружественно.—Правда.—А недавно сказано, что и подобное тоже нѣтъ. Не такъ ли?—Такъ.—Стало-быть, ни-добрu-ни-злу не будетъ дружественно что-либо такое, каково оно само.—Очевидно, нѣтъ.—Слѣдовательно, ни-добро-ни-зло остается почитать дружественнымъ только одному добру.—Какъ видно, необходимо.—Такъ хорошо 217. ли поведетъ насъ, дѣти, то, что мы сказали? спросилъ я.—Еслибы, напримѣръ, мы захотѣли размыслить о здоровомъ тѣлѣ, которое не нуждается ни въ врачеваніи, ни въ пособіи,—такъ какъ оно довольно собою; — то никто здоровый, конечно, не былъ бы другомъ врача ради здоровья. Не правда ли?—Никто.—Напротивъ, думаю, больной — ради болѣзни.—Какъ В. же иначе?—И болѣзнь, однакожъ, зло, а врачебное искусство—польза и добро.—Да.—Но тѣло-то, какъ тѣло, вѣроятно, не есть ни-добро-ни-зло.—Такъ.—Поэтому тѣло-то, ради болѣзни, принуждено бываетъ входить въ связь и дружитья съ врачебнымъ искусствомъ.—Мнѣ кажется.—Стало-быть, ни-добро-ни-зло бываетъ дружественно добру ради присущія зла.—Выходить.—Явно, однакожъ, что прежде, чѣмъ оно становится существенно зломъ, отъ присущаго ему зла; ибо сдѣлавшись зломъ-то, оно уже не желало бы добра и не дружилось бы съ С. нимъ, такъ какъ зло, сказали мы, не можетъ быть дружественнымъ добру.—Конечно, не можетъ.—Разсмотрите же, что я говорю: я говорю, что иное и само таково, каково ему присущее,

¹ Ни-доброе-ни-злое. Надобно помнить, что и здѣсь, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ соединяются эти понятія, Платонъ разумѣетъ ихъ какъ одно подлежащее, и поставляетъ съ нимъ въ связь прилагательныя и мѣстоименія, какъ съ обыкновеннымъ существительнымъ. Наприм., немного ниже: ни-добрu-ни-злу не дружественно что-либо такое, каково оно само—οἷον αὐτό.

иное—нѣтъ. Такъ, еслибы кто хотѣлъ навѣсть что-нибудь извѣстную краскою, вещи наводимой, вѣроятно, было бы присуще наводимое ¹. — Конечно. — И вещь, на которую наводится, D. по цвѣту, не такова ли была бы, каково наводимое ²? — Не понимаю, сказалъ онъ. — Да вотъ какъ, продолжалъ я: еслибы кто золотистые твои волосы навелъ бѣлильною краскою, были ли бы они тогда, или казались ли бы бѣлыми? — Казались бы, отвѣчалъ онъ. — Но хотя и была бы присуща имъ бѣлизна... — Да. — Однакожъ отъ этого они не болѣе, вѣроятно, сдѣлались бы бѣлыми: напротивъ, по присущію бѣлизны, были бы ни бѣлы, ни черны. — Правда. — Когда же этотъ самый цвѣтъ наведенъ будетъ на нихъ старостью; тогда они станутъ такими, какъ присущее, то-есть, по присущію бѣлизны, — бѣлыми. — Какъ E. уже не стать? — Такъ вотъ о чемъ я спрашиваю: то, чему нѣчто присуще, таково ли будетъ, имѣя это, каково присущее? Или, когда это какимъ-нибудь образомъ присуще, — будетъ, а если нѣтъ, то нѣтъ? — Скорѣе такъ, сказалъ онъ. — Следовательно, ни-добро-ни-зло иногда, только по причинѣ присущія зла, еще не есть зло, и становится зломъ, когда уже бываетъ такимъ. — Конечно. — Но какъ скоро оно, въ присутствіи зла, еще не есть зло, — самое это присутствіе зла возбуждаетъ въ немъ желаніе добра; если же, напротивъ, присутствіе зла дѣлаетъ его зломъ, то вмѣстѣ отнимаетъ у него самое это же-

218. ланіе и дружество съ добромъ. Вѣдь тогда оно не есть уже ни-зло-ни-добро, но зло; а добро съ зломъ у насъ не было ³ дружелюбно. — Конечно, не было. — Посему-то мы можемъ сказать, что и мудрецы, — боги ли они, или люди, — уже не любятъ мудрости ⁴; да и тѣ также не любятъ мудрости, которые не зна-

¹ *Вещи наводимой, впроятно, было бы присуще наводимое*—*πάρεστι πῶς τῷ ἀλλεῖφθέντι τὸ ἐπαλειφθέν.* Здѣсь надобно различить три предмета: наводящее—*ἀλείφον*, вещь наводимую—*ἀλειφθέν*, и наводимое, или краску,—*ἐπαλειφθέν*, и наводимое—*ἐπαλειφθέν*—понимать какъ присущее вещи наводимой—*ἀλειφθέντι*; такъ что эта вещь должна имѣть уже противоположныя свойства.

² *Каково наводимое*—*οἷον τὸ ἐπὶν*, то-есть *ἐπαλειφθέν*, *ἐπὶ τινι δυν.*

³ *Добро съ зломъ у насъ не было дружелюбно.* Прошедшею формою глагола указывается здѣсь на стр. 216 E.

⁴ *Мудрецы уже не любятъ мудрости*: — мысль высокая, яснѣе раскрытая

ютъ, что они злы, такъ какъ ни одинъ злой и невѣжда не есть любитель мудрости. Слѣдовательно, остаются тѣ, которые хотя и имѣютъ это зло — незнаніе, однакоже еще не сдѣлались отъ него незнающими и невѣждами, но продолжаютъ думать, что не знаютъ того, чего не узнали. Такъ поэтому любятъ мудрость, вѣроятнo, и не добрые и не злые: злые же и добрые не любятъ ея; потому что ни противное противоположному, ни подобное подобному, по прежнимъ нашимъ изслѣдованіямъ, не показалось намъ дружественнымъ. Или не помните? — Очень помнимъ, сказали они. — Стало-быть, теперь, Лизись и Менексень, примолвилъ я, мы со всею точностію опредѣлили, что дружественно и что нѣтъ: положили ¹, то-есть, что, и по душѣ и по тѣлу, ни-добро-ни-зло, ради присущія зла, всегда с. бываетъ дружественно добру. — Они совершенно подтвердили и согласились, что это такъ.

Тутъ я и самъ очень обрадовался, будто какой ловчій, любующійся тѣмъ, что поймалъ. Но потомъ, не знаю откуда, вошло въ меня какое-то весьма странное подозрѣніе, — что если допущенное нами невѣрно, — и я тотчасъ съ досадою сказалъ: увы! Лизись и Менексень, наше сокровище, должно быть, — сонъ. — Что еще? спросилъ Менексень. — Боюсь, от- d. вѣчалъ я, не встрѣтились ли мы съ такими же ложными понятіями о дружбѣ, каковы бываютъ хвастливые люди. — Какъ

въ Симпосіонѣ (р. 204 А), гдѣ говорится такъ: «изъ боговъ никто не философствуетъ (*φιλοσοφεῖ*, т.-е. *φιλεῖ τὴν σοφίαν*) и не желаетъ быть мудрецомъ; ибо онъ уже — таковъ. Не философствуетъ и — если есть какой — иной мудрецъ. Но, съ другой стороны, не философствуютъ (т.-е. *οὐ φιλοῦσι τὴν σοφίαν*) и невѣжды, и не желаютъ быть мудрецами; ибо то-то и худо въ невѣжествѣ, что, не будучи ни прекраснымъ и добрымъ, ни умнымъ, оно кажется себѣ достаточнымъ. Асть (*de vit. et script. Plat. p. 432*), къ удивленію, порицаетъ эту мысль Платона въ Лизисѣ и почитаетъ нелѣпнымъ положеніе, что мудрецы не любятъ мудрости.

¹ Положили, то-есть, — *φάρμεν γὰρ αὐτό*. Тѣ филологи ошибаются, которые здѣсь мѣстоименіе *αὐτό* находятъ излишнимъ и изгоняютъ изъ текста. Оно часто имѣетъ значеніе мѣстоименія указательнаго, указывающаго на мысль, непосредственно за нимъ слѣдующую. Такое значеніе принадлежитъ ему и въ этомъ мѣстѣ, а потому по-русски оно въ этомъ случаѣ можетъ быть выражено словомъ *то-есть*, или *это*.

это? спросилъ онъ. — Посмотримъ сюда, сказалъ я: другъ, кто бы онъ ни былъ, есть другъ кому-нибудь, или нѣтъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Другъ не ради чего-нибудь и не почему-нибудь, или ради чего-нибудь и почему-нибудь? — Ради чего-нибудь и почему-нибудь. — Другъ есть ли другъ той вещи, ради которой онъ есть другъ другу, или въ отношеніи

Е. къ ней онъ — и не другъ и не врагъ? — Я не очень слѣдую за тобою, сказалъ онъ. — И естественно, примолвилъ я; но можетъ быть, будешь слѣдовать инымъ образомъ; да и я лучше уразумѣю, что говорю. Больной, сказали мы теперь, есть другъ врача. Не такъ ли? — Да. — Не по болѣзни ли, ради здоровья, онъ — другъ врача? — Да. — Но болѣзнь-то — зло. — Какъ не зло? — А здоровье что? спросилъ я: добро, или зло, или ни

219. то ни другое? — Добро, отвѣчалъ онъ. — Такъ вотъ мы и говорили, какъ видно, что тѣло, не будучи ни-добромъ-ни-зломъ, есть другъ врачебнаго искусства, которое — добро, по причинѣ болѣзни, то-есть зла. Но врачебное искусство берется въ друзья ради здоровья; а здоровье — добро. Не такъ ли? — Да. — Такъ здоровье — другъ или не другъ? — Другъ. — А болѣзнь — врагъ? — Конечно. — Слѣдовательно, ни-добро-ни-зло,

В. по причинѣ зла и врага, есть другъ добра ради добра и друга. — Явно. — Стало-быть, другъ есть другъ друга по причинѣ врага. — Выходить. — Пусть, сказалъ я; пришедши къ этому, дѣти, будемъ внимательны, чтобы не обмануться. Вѣдь что другъ былъ у насъ другомъ друга, и что подобное бываетъ другомъ подобнаго, — положеніе, признанное невозможнымъ, — съ этимъ я прощаюсь. Но разсмотримъ и то, не обманываетъ ли насъ также принимаемое нами теперь. Врачебное искусство,

С. сказали мы, есть другъ ради здоровья. — Да. — Неужели и здоровье тоже другъ? — Конечно. — Стало-быть, другъ ради чего-нибудь. — Да. — То-есть ради чего-нибудь дружественнаго, если будемъ слѣдовать тому, что прежде допущено. — Конечно. — А то дружественное не будетъ ли опять ради дружественнаго? — Да. — Но идя такимъ образомъ, не необходимо ли утомиться намъ и придти къ нѣкому началу, которое уже не будетъ въ

отношеніи къ иному дружественному, но принадлежить тому, что есть первое дружественное и ради чего мы все прочее называемъ дружественнымъ?—Необходимо.—Такъ это-то я разумѣю, говоря, какъ бы не обманули насъ всѣ прочіе предметы, которые мы называемъ дружественными ради того (перваго), и которые суть какбы его образы, тогда какъ поистинѣ дружественное есть то первое. Размыслимъ объ этомъ такъ: кто чему-нибудь приписываетъ высокую цѣну, какъ, на примѣръ, отецъ иногда предпочитаетъ своего сына всему прочему; тотъ, ради того, что цѣнить сына больше всего, можетъ ли и чему другому приписывать высокую цѣну? Если бы, на примѣръ, отецъ замѣтилъ, что сынъ его выпилъ ядъ, Е. то подорожилъ ли бы виномъ, думая, что оно спасетъ его сына? — Какъ дорожить? сказалъ онъ. — Не то же ли и сосудомъ, въ которомъ находится вино?—Конечно.—Фарфоровая чаша была ли бы для него столь же цѣнна, какъ его сынъ, и три котила вина, какъ сынъ? Или будетъ такъ, что при этомъ вся заботливость обращается не на то, для чего что-нибудь приготовлено, а на то, для чего все подобное при- 220. готовится. Хотя мы часто говоримъ, что дорого цѣнимъ золото и серебро; однакожъ смотрите, чтобы это-то не оказалось несправедливымъ. Не такъ ли сказать, что изъ всего, что является существующимъ, мы выше всего ставимъ то, для чего готовится и золото, и все приготовляемое?—Конечно.—Но не то же ли слово и о дружбѣ? Вѣдь сколькони говорили мы, что дружественное у насъ бываетъ ради чего-то дружественнаго,—все однако выражали, повидимому, одно В. и то же худымъ ¹ словомъ. Существенно же дружественное должно быть то самое, чѣмъ заканчиваются всѣ эти такъ называемыя дружества. — Должно быть, сказалъ онъ. — Значить, существенно-то дружественное есть дружественное не

¹ *Выражали одно и то же худымъ словомъ.... ἐτέρω ῥήματι.* Не переводжу—*дружилъ словомъ*, потому что это выраженіе у Платона въ подобныхъ случаяхъ означаетъ худое, или несоотвѣтствующее мысли слово. Такъ Philob. p. 13 A: *προσαγορεύεις αὐτὰ ἀνόμοια ὄντα ἐτέρω, ῥήματι, δνόματι.*

- ради чего-то дружественнаго? — Правда. — Такъ это рѣшено, — не ради чего-нибудь дружественнаго дружественное есть дружественное. Но добро дружественно ли? — Мнѣ кажется. — Не по причинѣ ли зла бываетъ любимо добро, и вотъ
- C. какъ: еслибы изъ трехъ видовъ, о которыхъ мы теперь говорили, то-есть изъ добраго, злаго и ни-добраго-ни-злаго, были взяты два, а зло исчезло бы и не касалось ни тѣла ни души, ни другаго чего, что само по себѣ называется ни-зломъ-ни-добромъ, — добро было ли бы тогда къ чему-нибудь полезно для насъ, или сдѣлалось бы бесполезнымъ? Вѣдь еслибы ничто уже не вредило намъ, мы не имѣли бы нужды ни въ какой пользѣ. И такимъ-то образомъ тогда стало бы явно, что мы любили добро и дружились съ нимъ по причинѣ зла, такъ какъ въ добрѣ видѣли лекарство противъ зла, которое почитали болѣзнію; когда же болѣзни нѣтъ, — не нужно и лекарство. Такова ли природа добра, что, будучи между зломъ и добромъ, мы любимъ добро по причинѣ зла, а само ради себя оно насколько не требуется? — Выходить, что такъ, сказалъ онъ. —
- E. Стало-быть, то дружественное, которымъ оканчивалось все прочее, что называли мы дружественнымъ ради другаго дружественнаго, у насъ вовсе не походить на это. Вѣдь это названо дружественнымъ ради дружественнаго: а существенно дружественное является по природѣ совершенно ему противоположнымъ; ибо оно показалось намъ дружественнымъ ради враждебнаго, которое когда удаляется, дружественное намъ болѣе, какъ видно, недружественно. — Мнѣ кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ какъ теперь говорится, сказалъ онъ. — Ужели же, ради Зевса, если зло исчезнетъ, спросилъ я, — не будетъ у
221. насъ ни голода, ни жажды, и ничего подобнаго? Или, хотя и будетъ голодъ, такъ какъ будутъ люди и другія животныя, но, по крайней мѣрѣ, не вредоносный? хотя будутъ также — и жажда, и другія пожеланія, но не злыя, потому что зло погибнетъ? Впрочемъ, не смѣшонъ ли вопросъ, что будетъ тогда и чего не будетъ? Кому знать это? Мы знаемъ только то, что и теперь: кто алчетъ, тотъ можетъ получить вредъ, а можетъ —

и пользу. Не такъ ли?—Конечно.—Нельзя ли подобнымъ образомъ и жаждущему, и движимому всѣми иными этого рода пожеланіями, желать иногда съ пользою, иногда со вредомъ, а иногда ни такъ ни сякъ?—И очень.—Итакъ, если зло погибнетъ, то тому-то, что не есть зло, какая причина погибнуть вмѣстѣ съ зломъ?—Никакой.—Стало-быть, если зло и погибнетъ, желанія ни-добрыя-ни-злыя будутъ. — Явно. — Но тому, кто желаетъ и стремится, возможно ли не любить того, чего желаетъ и къ чему стремится?—Кажется, невозможно.—Слѣдовательно, и по гибели зла будетъ что-либо дружественное? — Да. — Но этого не было бы, еслибы причиною того, что есть нѣчто дружественное, было зло; — по уничтоженіи зла, не было бы дружественно одно другому; ибо, какъ скоро исчезла причина, уже невозможно быть и тому, чего она — причина. — Ты правильно говоришь. — Однакожь, не согласились ли мы, что дружественное дружественно чему-нибудь и почему-нибудь, — и тогда-то положили, что ни-доброе-ни-злое любить добро по причинѣ зла?—Правда. — А теперь-то, какъ видно, открывается какая-то другая причина любить и быть любимымъ. — Выходить. — Такъ не желаніе ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ мы сейчасъ сказали, есть причина дружбы, и не желающее ли дружественно тому, чего оно желаетъ и когда желаетъ? а что прежде называли мы дружественнымъ, не была ли это болтовня, похожая на растянутое стихотворное сочиненіе ¹?—Должно

¹ *Похожая на растянутое стихотворное сочиненіе, ὡς περ ποίημα μακρὸν συχκείμενον.* Здѣсь представляется страннымъ, что *ποίημα μακρὸν*, какъ бы только, *ὅτι μακρὸν ἐστὶ*, называется болтовнею—*ἄλογος*. Это заставило Аста предполагать, что, вмѣсто *μακρὸν*, надобно читать *μάτην*; но такимъ измѣненіемъ показывалось бы, что *ἄλογος* у Платона поставляется въ безцѣльности сочиненія; а этого тоже было бы недостаточно. Посему Штальбому понравилось читать *ὡς περ ποίημα μακρὸν μάτην συχκείμενον*. Такимъ образомъ *μάτην*, котораго въ этомъ мѣстѣ не имѣеть ни одинъ списокъ Платоновыхъ сочиненій, вводится сюда какъ бы уже съ значеніемъ. Но ученые критики могли бы разрѣшить возбуждающееся здѣсь недоумѣніе, и не прибѣгая къ введенію новыхъ словъ, еслибы, вмѣсто *ποίημα μακρὸν συχκείμενον*, читали *ποίημα μακρὸν συχκείμενον*. Притомъ, надлежало вспомнить, что *μακρὸν* Платонъ могъ и не относить къ *ποίημα*, а принимать это слово въ значеніи нарѣчія, какъ нарѣдко принимается онъ слова *δυσίον*, *φίλον* и проч.

быть, сказалъ онъ.—Однакожь, продолжалъ я, желающее-то
 Е. жагаетъ того, чего ему недостаетъ. Не такъ ли?—Да.—Ста-
 ло-быть, недостающее дружественно тому, въ комъ его недо-
 стаетъ?—Мнѣ кажется.—А недостающимъ ¹ бываетъ то, что
 у кого-нибудь отнято.—Какъ же иначе?—Такъ любовь, друж-
 ба и желаніе, Менексень и Лизись, какъ видно, направляются
 къ собственному.—Подтвердили.—Стало-быть, вы, будучи
 222. друзьями между собою, по природѣ, свойственники другъ дру-
 гу.—И очень, сказали они.—Поэтому, когда кто одинъ же-
 лаетъ и любить другаго, дѣти, сказалъ я,—не сталъ бы онъ
 ни желать, ни любить, ни дружитья, еслибы не былъ какъ-
 нибудь свойственникомъ любимому—или по душѣ, или по ка-
 кой-нибудь душевной склонности, или по нраву, или по ви-
 ду.—Конечно, сказалъ Менексень, а Лизись замолчалъ.—
 Пусть, продолжалъ я. Такъ намъ, сказали мы, необходимо лю-
 бить свойственное по природѣ.—Выходить.—Стало-быть,
 дѣтямъ необходимо любить подлиннаго и непритворнаго лю-
 В. бителя.—Лизись и Менексень на это едва кивнули, но Иппо-
 таль отъ удовольствія такъ и мѣнялся въ лицѣ.

Тогда, желая изслѣдовать предметъ, я сказалъ: если свой-
 ственное что-нибудь отлично отъ подобнаго; то о дружбѣ, что
 такое она, мы, какъ мнѣ кажется, Лизись и Менексень, сказа-
 ли нѣчто дѣльное: а когда подобное и свойственное будутъ одно
 и то же,—прежнее наше положеніе, что подобное для подобнаго,
 по самому подобію его, бесполезно, нелегко отвергнуть; потому
 С. что признавать дружественнымъ бесполезное—несообразно. И-
 такъ, хотите ли, спросилъ я,—поколикую мы опьянѣли уже отъ
 нашего изслѣдованія,—согласиться и сказать, что свойствен-
 ное есть нѣчто отличное отъ подобнаго?—Конечно.—Такъ по-
 ложимъ ли, что всякому свойственно добро и чуждо зло? или

¹ А недостающимъ бываетъ то... ἐνδεὲς δὲ γίγνεται. Ἐνδεὲς имѣеть двоякое значеніе: имъ означаетъ иногда субъектъ, которому недостаетъ чего-нибудь, а иногда то, чего недостаетъ субъекту. Въ послѣднемъ случаѣ ἐνδεὲς обыкновенно принимается въ значеніи имени существительнаго и употребляется въ среднемъ родѣ съ членомъ, τὸ ἐνδεὲς. Поэтому Гейндорфъ, а за нимъ и Штальбомъ, напрасно говоритъ, что здѣсь aut ἐνδεὲς, aut τὸ legendum esse.

злу свойственно зло, добру — добро, а ни-добру-ни-злу — ни-добро-ни-зло? — Имъ кажется, сказали они, что каждому свойственно каждое. — Стало-быть, дѣти, замѣтилъ я, мы опять D. попали на тѣ самыя положенія о дружбѣ, которыя прежде отвергли; вѣдь въ такомъ случаѣ справедливый справедливому и злой злomu будетъ ничѣмъ не меньше другомъ, какъ и добрый доброму. — Выходить, сказалъ онъ. — Что же? когда доброе и свойственное мы называемъ тѣмъ же, — иное ли что говоримъ, какъ не то, что добрый только доброму другъ? — Конечно. — Однакожъ и въ этомъ вѣдь, какъ намъ тогда казалось, мы обличили себя. Или не помните? — Помнимъ. — Такъ E. что же еще сдѣлаемъ съ своимъ изслѣдованіемъ? Не явно ли, что ничего ¹? — Ничего. — Прошу же васъ, подражая мудрецамъ ² въ судахъ, пересмотрѣть все прежде-сказанное. И если уже ни любимые ни любящіе, ни подобные ни неподобные, ни добрые ни свойственные, ни все прочее нами разсмотрѣнное — вѣдь отъ множества такихъ вещей, я и самъ всего не помню — если ничто изъ этого не есть дружественное, то я ничего ²²³ не могу сказать болѣе.

Сказавъ это, я думалъ было уже тронуть кого-нибудь другаго — постарше. Но тутъ, будто какіе демоны ³, подошли педагога — одинъ Менексеновъ, другой — Лизисовъ, вмѣстѣ съ

¹ Не явно ли, что ничего? Этотъ вопросъ, очевидно, требуетъ отвѣта, — тѣмъ болѣе, что въ слѣдующихъ далѣе словахъ: *δῆλον οὖν*, союзъ *οὖν* явно предполагаетъ его. Посему я, вмѣстѣ съ Астомъ, нахожу умѣстнымъ послѣ: *ἢ δῆλον ὅτι οὐδέν*, поставить отвѣтъ: *οὐδέν*.

² Подражая мудрецамъ въ судахъ. Платонъ разумѣетъ риторовъ и говорить о нихъ съ насмѣшкою: это видно не только изъ того, что называетъ ихъ мудрецами, но и изъ употребленнаго далѣе и примѣннаго къ нимъ глагола *ἐπιπλάσσειν*, что собственно значить — дѣлать отрыжку или пережевывать — *cibus ad rumen revocare*.

³ Будто какіе демоны — *δαίμονες*. Явно, что здѣсь слово демонъ въ устахъ Сократа должно было означать непріязненнаго духа. Хотя въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона это слово въ подобномъ смыслѣ не встрѣчается; однакожъ ничто не препятствуетъ предполагать, что въ простомъ ежедневномъ разговорѣ оно было употребляемо. Поэтому германскіе критики, всегда ведущіе войну противъ бытія злыхъ духовъ (см. *Elsner. Observv. ad. Matth. IX, 34*), напрасно усилваются доказать, что здѣсь Платону представлялись не злые духи.

ихъ братьями, и приказывали имъ идти домой; ибо уже было поздно. Сперва и мы, и окружавшіе отгоняли ихъ: но такъ какъ они не обращали на насъ вниманія и, ломанымъ ¹ греческимъ языкомъ выражая свою досаду, не переставали звать, в. то намъ показалось, что подпивши на Эрміевомъ праздникѣ, они не будутъ сговорчивы, и потому, уступивъ имъ, мы прервали свою бесѣду. Впрочемъ, когда собесѣдники уже уходили, я сказалъ: теперь, Лизись и Менексенъ, и я, старый человекъ, и вы сдѣлались смѣшными; теперь эти расходящіяся будутъ говорить, что мы одинъ другаго почитаемъ своимъ другомъ,—ибо я и себя причисляю къ вамъ,—а не въ состояніи были изслѣдовать, что такое другъ.

---

¹ Ломанымъ греческимъ языкомъ—*ὑποβαρβαρίζοντες*. Педагогами у Грековъ бывали особенно довѣренныя въ домѣ рабы, какъ у насъ, въ старину, дядьки и нянюшки изъ дворовыхъ людей. И эти, конечно, не могли выражаться такъ чисто по-гречески, какъ люди свободные и образованные. Но въ послѣдствіи у Грековъ, начинавшихъ уже изглаживать въ себѣ типъ народности, въ педагоги были избираемы, какъ нерѣдко и у насъ въ настоящее время, иностранцы, которые не только говорили съ своими питомцами ломанымъ языкомъ, но и передавали имъ ломанія понятія о нравственной и гражданской жизни.